

Щеглова М.И.

Оренбургский государственный медицинский университет

Асамбаев Д.С.

Студент, Оренбургский государственный медицинский университет

Адзитаров М.А.

Студент, Оренбургский государственный медицинский университет

МЕТОДОЛОГИЯ Ф.БЭКОНА: «НОВЫЙ ОРГАНОН»

В статье рассматривается современная трактовка методологии Ф. Бэкона, предложенная им в работе «Новый Органон». Дается краткое содержание анализируемого произведения с целью раскрытия смыслов текста Ф.Бэкона. Выявляются наиболее значимые по мнению авторов факты из философской системы, позволяющие определять суть анализируемой философской концепции.

Ключевые слова: методология, Бэкон, Новый Органон, науки, познание, знание.

Почему философ назвал свой труд «Новый Органон»? Был ли «старый»? Бэкон в названии совершает отсылку к не менее известной работе философа далёкой античности — а именно, к «Органону» Аристотеля. «Органоном» именуют ряд сочинений Аристотеля, посвящённых разработке классической логики, с постулированием основных трёх законов, и с описанием метода дедукции, как метода выработки знания с необходимой истинностью. Следовательно, целью Бэкона было стремление создать новую логику науки, новый метод исследования действительности. «Новый Органон» входит в объёмное сочинение «Великое возрождение наук», и этот факт только укрепляет меня в понимании смысла написания этой работы: совершить революции в науке и её методологии.

Френсис Бэкон открывает хронологический раздел философии — Новое время. Оно ознаменовалось окончательным разгромом схоластической традиции, начатым ещё в период Ренессанса. Новое время требовало нового метода. Свои рассуждения философ начал к критике дедукции. Согласно словарю логических терминов, дедукция — это «метод мышления, следствием которого является логический вывод, в котором частное заключение выводится из общего. Цепь умозаключений (рассуждений), где звенья (высказывания) связаны между собой логическими выводами»[1]. Иными словами, краткая формулировка дедукции — следование от общего к частному. Но логичен вопрос, какова наша уверенность в истинности общего? Известный пример вывода по дедукции «Все люди смертны — Сократ человек — Сократ смертен» иллюстрировал истинность дедукции на наиболее общем примере, но именно после работ Бэкона в историю философии вошёл другой пример. «Все лебеди белые — Эта птица лебедь — Эта птица белая»[1]. Однако вскоре были открыты ещё и чёрные лебеди. А значит, и дедукция не даёт необходимого знания, потому что не учитывает возможности альтернативных частных случаев. Чтобы говорить о продуктивности дедукции в познании, надо быть уверенным, что все объекты изучаемой области входят в понятие «Все».

Помимо этого, очевидно, что рассуждение от общего, уже установленного за истину знания, не прибавляет нового. И действительно, если я знаю, что «Все смертны», то утверждение, что «Сократ смертен» не добавит нового, ведь «Сократ» уже подразумевается при произношении мной местоимения «Все»[1].

Почему же метод, имеющий такие недостатки в эвристическом аспекте, принимался истинным аж со времён Аристотеля? И ответом на этот вопрос стал раздел работы Бэкона, посвящённый критике так называемого схоластического подхода. Схоластика, это период в истории философии, хронологически связанный со средними веками, особенность которого заключалась в подчинении всех сфер познания христианскому учению. Богословы утверждали догматы, в соответствии с которыми и оценивалась истинность частных фактов. Догмат, как бы он не звучал, и имел в своей основе дедукцию, подразумевая, что в Библии в её трактовках священниками уже содержится знание обо «всём» [1]. Но это ведёт не только к идеологизации науки, но и к отказу от формирования знания, основанного на новом, на чувственном опыте. В работе «Новый Органон» мы нашли следующие отрывки: «выдумки астрономов и схоластов, у которых в обычае без основания подавлять чувство и предпочитать темное»; «схоластики подобны астрономам, которые выдумали эксцентрики и эпициклы и тому подобные механизмы небесной сферы, чтобы спасти явления, хотя они знали, что таких вещей не существует; так и схоластики изобрели целый ряд хитроумных и запутанных аксиом и теорем, чтобы спасти практику церкви» [1]. Это подтверждает наше понимание причин критики Бэконом традиции авторитетов, господствующей вплоть до Нового времени.

Френсис Бэкон не только даёт критику предыдущей традиции, но и предлагает свою программу совершенствования науки. Целью познания Бэкон называет преобразование природного мира для совершенствования человеческой жизни. Не столько созерцательны, сколько деятельный путь следует выбирать и реализовывать в процессе познания. Логичным мне видится вывод Бэкона, что преобразовательная деятельность возможна по средствам обращения к чувственному опыту, ведь именно по средствам наших чувств (слух, осязание и т.д.), мы выполняем практику.

Взамен дедукции Бэкон на первое место в методологии ставит индукцию — движение от частного к общему. Именно в индуктивном методе находят своё отражение «исправленные» аспекты познания: обращение к единичным случаям, формирование нового знания, получение единичных фактов через чувственный опыт. «Итак, необходимо разделение и разложение тел, конечно, не огнем, но посредством размышления и истинной индукции с помощью опытов, а также посредством сравнения с другими телами и сведения к простым природам и их формам, сходящимся и слагающимся в сложном», — читаем в «Новом Органоне» [1].

Философ сформулировал свои требования к индуктивному методу. Он должен проходить по этапам.

Сперва необходимо для исследуемого факта представить в таблице все известные примеры, сходящиеся в этом явлении. Эта таблица называется таблицей присутствия. Во-вторых, следует обозначить, когда мы факт не наблюдаем. Это таблица отсутствия. В-третьих, мы находим случаи, в которых исследуемый факт присутствует в большей и в меньшей степени. Это возможно или посредством сопоставления роста и уменьшения этого свойства в одном и том же предмете, или посредством сравнения его в различных предметах. Это таблица степеней. Выводом из этих таблиц и будет новое знание.

Помимо цели и метода познания, философ сформулировал три пути, или, как я поняла, три характеристики «стиля» познания.

«Путь паука» — характеризуется получением знания из «чистого разума», то есть путем рассуждений. Такой подход я описывала выше, когда разбирала критику Бэкона. По сути, мы имеем дело с дедукцией. Рационалисты оторваны от чувственных фактов, догматичны и, по Бэкону, «ткнут паутину мыслей из своего ума».

«Путь муравья» — этот путь противоположен первому, потому что в основе знания видят не разум, а только чувства. Данный метод на практическом опыте, сборе разрозненных фактов, доказательств. Таким образом, они получают внешнюю картину знания, видят

проблемы «снаружи», «со стороны», но не могут понять внутреннюю сущность изучаемых вещей и явлений, увидеть проблему изнутри.

«Путь пчелы», — совершенный способ познания. В некоторой степени, это синтез описанных выше путей. Следуя по «пути пчелы», необходимо собрать всю совокупность фактов, обобщить их (взглянуть на проблему «снаружи») и, используя возможности разума, заглянуть «вовнутрь» проблемы, понять причины.

Однако, даже зная путь, которым следует идти, чтобы реализовать цель познания, человеку мешают его «идолы» (в некоторых переводах, «призраки»). Всего существует 4 идола, которые в той или иной степени присущи нашему сознанию: идола рода, пещеры, площади (агоры, места спора, рынка), театра.

Идолы рода характерны всем людям и выражаются в том, что мы переносим особенности нашего искажённого восприятия на категории объективного мира. Сам Бэкон приводил такой пример: «человеческий дух, будучи по своей субстанции однородным и единообразным, предполагает и придумывает в природе существование большей однородности и большего единообразия, чем существует в действительности. Отсюда вытекает ложное представление математиков о том, что все небесные тела движутся по совершенным круговым орбитам и что не существует спиральных движений. Отсюда же вытекает и тот факт, что, несмотря на то что в природе существует множество единичных явлений, совершенно отличных друг от друга, человеческое мышление, тем не менее пытается найти всюду проявления соотносительности, параллельности и сопряженности»[1]. Я могу проиллюстрировать этот идол тем, что люди стремятся увидеть везде порядок и гармонию, поэтому стремимся в наших изысканиях всегда найти симметрию, кратность и периодичность.

Следующий идол — идол пещеры. Название этого идола есть отсылка легенде Платона «О пещере», где людям были доступны для восприятия лишь тени от реальных вещей. «Что же касается идолов пещеры, то они возникают из собственной духовной и телесной природы каждого человека, являясь также результатом воспитания, образа жизни и даже всех случайностей, которые могут происходить с отдельным человеком», — пишет философ. Мы можем смотреть на одну и ту же картину, а называть различные цвета, в зависимости от особенностей зрения каждого из нас.

Далее, идола рынка, предрассудки, «наиболее же тягостны ...проникающие в человеческий разум в результате молчаливого договора между людьми об установлении значения слов и имен»[1]. К примеру, мы привыкли называть смертью момент, когда человеческое сердце перестаёт биться. Однако течением лет и развитием медицины, критерий смерти изменился (смерть мозга), соответственно, до установления этого факта, все люди заблуждались.

Последние идола — идола театра. «Существует ещё и четвертая группа идолов, которые мы называем идолами театра, являющихся результатом неверных теории или философских учений и ложных законов доказательства», — находим в работе Бэкона. Так, некоторые из нас соотносят свои суждения с положениями христианского учения о мире, другие, с сугубо материалистическим пониманием бытия.

Если нам удастся очистить свой разум от идолов, то в результате получим «чистый опыт», на основе которого возможна идеальная индукция.

Согласно Бэкону, самым лучшим из всех доказательств является опыт, если только он коренится в эксперименте. Однако, «опытное познание, которое обычно применяют люди, слепо и имеет четыре недостатка»: ненадежность впечатлений самих чувств; неопределенность и плохое отвлечение понятий от впечатлений чувств; заключение об основах наук посредством простого перечисления.

Каждому из нас известен афоризм Френсиса Бэкона: «Knowledge itself is power», что в переводе значит «Знание само по себе — сила»[1]. Можно сказать, что этот афоризм был постулатом всей философии Бэкона. Поставив перед собой цель преобразовать науку, Бэкон

задался метацелью — преобразовать всю человеческую жизнь, подчинить человеку природу. Реализовать этот план возможно только через совершенствование системы наших представлений о мире. По сути, Бэкон в буквальном смысле видел «силу» знания, ведь только благодаря ему будет возможно изобретение технологий и техники.

Уже в XX веке не однократно будут обращаться к этой цитате, доказывая возрастающую роль знания. Так, признавая, что мы живём в информационном или постиндустриальном обществе третьей волны нельзя недооценивать знание, и не признать, что именно оно является средством власти не только над другими людьми, но и над природой.

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон М.: Наука, 1990, 72 с.